

Юрий МУХИН

СССР
ПОТЕРЯННЫЙ
РАЙ

Юрий Игнатьевич Мухин

СССР – потерянный рай

Серия «До встречи в СССР!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707085

СССР – потерянный рай / Юрий Мухин.: Яуза-пресс; Москва; 2009

ISBN 978-5-9955-0714-7

Аннотация

Эта держава канула в вечность, как легендарная Атлантида. Гибель этой великой цивилизации стала трагедией планетарного масштаба, сравнимой лишь с падением Римской империи. Эта страна не просто уничтожена и разграблена врагами, но посмертно оболгана, обещана, утоплена в грязи. Однако, чем дальше мы от советской эпохи, тем более очевидной становится простая истина: *Советский Союз был не Империей зла, а потерянным раем светлого прошлого.* Новая книга ведущего отечественного публициста – долгожданная правда об СССР, подлинная история незабвенной советской эпохи, пощечина клеветникам и иудам, разворовавшим ее грандиозное наследие, пронзительный, светлый и горький рассказ о потерянном рае русского народа.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	10
Немного занудства	10
О счастье человека	16
Люди и чижи	20
Русские нерусскими глазами	28
Чижи дворянства	37
Чиж на троне	53
Чижи в рясах	67
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Юрий Мухин

СССР – потерянный рай

Предисловие

Книга – это товар, то есть нечто, что должно быть предназначено не для собственного использования, а для того, кто книгу купит.

Это не все авторы книг понимают, и достаточно часто можно прочесть или понять по тексту, что автор писал книгу, чтобы «самовыразиться». А кому надо твое самовыражение, кому оно интересно? – мысленно спрашиваю я таких авторов. Их эти вопросы не волнуют. Они очень любят и ценят себя, ценят свой высокий интеллект, посему достаточно презрительно относятся к тем, кто предположительно должен их книгу купить и прочесть. И если читателям не нравится работа этого автора, то автор винит не себя, а читателей, – это они, тупые дураки, не способные постичь тонкости ума, души и стиля автора.

А я знаю, что книга – это товар, знаю и то, что когда делаешь товар, то нужно знать рынок – знать тех, кто твой товар купит, и делать товар так, чтобы покупатель был товаром максимально удовлетворен. Короче, нужно представлять себе того, для кого книгу пишешь.

Я пишу книгу для молодых людей нынешних стран СНГ – таких, какими я их вижу. А вижу я их очень малокультурными людьми, то есть очень плохо знающими разнообразие жизни – ее физические и химические основы, технику, технологии, в общем, то, без чего невозможно понять жизнь, соответственно, невозможно жить осмысленно.

Я понимаю, что это не лучшее начало для привлечения читателей, но поймите и меня: при написании книги для культурных людей я могу многие вещи не объяснять, поскольку культурным людям они и так понятны, посему мой текст и без объяснений будет для таких людей интересен. А вот малокультурные люди такую книгу читать не будут, поскольку она будет представлять для них набор слов, за которыми малокультурный человек не будет видеть ничего конкретного, посему и книга не вызовет у него ничего, кроме раздражения и чувства бесполезно потраченного времени.

Заметьте, я не стесняюсь использовать понятия «глупец» или «дурак», но когда я говорю о читателях, то эти понятия не использую, а пишу о малокультурности, но малокультурным может быть и от природы умный человек, которого так обучили и воспитали. Тут даже сказать трудно, кто в малокультурности данного индивидуума больше виноват – он сам или окружавшая его среда. Однако в любом случае мне, делающему товар для малокультурных людей, придется делать его попроще – избегать сложных понятий и моментов и больше уделять внимания бытовым вещам, знакомым лю-

бому человеку по его собственной жизни.

У меня появился знакомый, человек почти одних со мною лет, который принял деятельное участие в разрушении СССР, при этом обеспечив себе «простое человеческое счастье» – то есть отсутствие напряженного труда и очень много баракла, очень им ценимого, но, на мой взгляд, совершенно ему не нужного. Я попросил этого знакомого прочесть мою книгу «Три еврея» (я буду давать мысли и эпизоды из нее). Дело в том, что эта книга написана для молодых людей с целью вызвать у них интерес к заводской инженерной работе, а попутно я описываю в ней множество случаев собственной жизни – обычную жизнь советского человека. Мне интересно было, сможет ли он, гуманитарий по образованию, понять красоту технических решений, описанных мною. Честно говоря, мне и в голову не приходило, что ему может быть что-то неизвестно из жизни советского человека. Однако его реакция на книгу поразила меня.

– Ты открыл для меня совершенно неизвестный мир, – сообщил он мне, – я даже увидел, что левая идея может быть привлекательной для людей.

Меня поразило, что этот человек, 40 лет без выезда проживший в СССР, может найти в моем описании жизни советского человека что-то неизвестное для себя! Я-то, повторю, спрашивал его, понятны ли ему вопросы техники, действительно неизвестные ему, мне ведь и в голову не приходило, что ему могут быть неизвестны быт или взаимоотно-

шения людей в СССР. Меня поразило, что ему, прожившему 40 лет при социализме, только в моей книге открылась привлекательность левой (социалистической) идеи.

– Что именно ты узнал такого, чего раньше не знал? – удивился я.

– Ну, к примеру, я никогда не был в общежитии, никогда не носил брюки за 20 рублей, никогда не стоял в очереди, мой отец мог достать все – только «Волгу» в экспортном исполнении он мне не мог достать, а так мог все. А теперь я понимаю, что главное не в том, что человек стоит в очереди за авиабилетами, а то, что он свободно мог летать по всему Союзу и у него для этого были деньги.

– Послушай, ты пять лет проучился в университете, у тебя в группе были иногородние сокурсники, они жили в общеаге, как ты мог ни разу не быть в общежитии, чтобы хотя бы выпить с ними?

– Ну, знаешь, мы были ленинградцы – элита, а они с периферии, мы с ними не общались.

Тут и для меня открылось, что то сообщество деятелей, которые разрушили мою Родину, это не просто подлые дегенераты, эти люди, кроме прочего, не представляли, ни что они разрушают, ни как это отзовется на людях и на них самих.

Сегодня примеров этому море. Вот один из активных разрушителей Советского Союза, все эти годы ратававший за «либеральные ценности», журналист Л. Радзиховский пи-

шет статью «20 лет спустя» и в ней подводит итоги власти в умах сограждан таких интеллектуалов, как он.

«За эти годы мир стал миром Интернета, мобильной связи, персональных компьютеров. Какое мы имеем к этому отношение? Такое: мы все это покупаем за нефтебаксы. Мир переходит к какому-то «шестому технологическому укладу». Что это за штука, не знаю. Но зато мы сами себе трендим про «нанотехнологии» – соревнование Элочки Щукиной со старухой Вандербильд продолжается строго по классикам. Доля нефти и газа в нашем экспорте выросла с 50 % (1985 год) до 70 % (2007 год). Таков экономический итог 20 лет. Неизменны только «Жигули».

Члены советского Политбюро с родственниками жили, как мелкие западные миллионеры. Русские олигархочиновники живут, как и положено шейхам российской Аравии. Таков социальный итог.

Население РСФСР в 1979 году – 137 миллионов; в 1989-м – 147 миллионов. В 2009-м – 140 миллионов.

Население Франции в 1989 году – 56 миллионов; в 2009-м – 64 миллиона.

Население США в 1989 году – 244 миллиона; в 2009-м – 305 миллионов.

Население Канады в 1989 году – 26 миллионов; в 2009-м – 33 миллиона.

Таков количественный итог сравнительно с другими христианскими странами.

30 000 (официальные данные на 2001 год) уехавших из России научных работников высшей квалификации, работающих по специальности в США, Европе, Израиле, 10 % членов отделения математики Национальной АН США – эмигранты из России, а средний возраст научного сотрудника РАН – свыше 55 лет. 1989-й: четыре нобелевских лауреата в области науки (а в 1986 году и вовсе 6), 2009-й: два лауреата (Гинзбург, 92 года, и Алферов, 79 лет). Ни одного пленарного докладчика из России на Всемирном математическом конгрессе (Мадрид, 2006) и три пленарных докладчика на том же конгрессе – эмигранты из СССР.

Таков качественный интеллектуальный итог 20 лет».

И поверьте, та наивность, с которой он пишет о гибели России, не оставляет сомнений: автор ни в малейшей мере не винит в этом себя – он просто не понимает связи между своим интеллектом и результатами этих 20 лет.

Эти люди жили в Советском Союзе и ненавидели его, эти люди уничтожили Советский Союз, и как ни противно это делать, но нужно начать книгу с них – они тоже часть Советского Союза. Такая же неотъемлемая часть, как и раковая опухоль больного организма.

Глава 1

Мир чижей

Немного занудства

Какой-то дутый великий сказал банальность – дескать, человек рожден для счастья, как птица для полета. С какой стороны на эту сентенцию ни посмотри – глупость! (Поменяем персонажи: птица рождена для счастья, как человек для ходьбы.) Но идея, которой автор этой банальности пытался поразить читателей, верна.

Действительно, в результате определенных действий человека охватывает эйфорическое чувство удовлетворения, которое мы именуем счастьем. Не в этой книге объяснять, что тут и к чему, но в ходе естественного отбора продолжали жить только те живые существа, которые имели способность к этому чувству, поскольку для тех организмов, кто на счастье не был способен, жизнь была постыла и не имела смысла – они гибли. Те, кто интересуется жизнью людей, могли обратить внимание, что человек кончает жизнь самоубийством, когда не видит для себя возможности испытывать именно это чувство удовлетворения от своей жизни, – не видит для себя счастья в жизни.

Заметим, что все религии мира запрещают самоубийство и считают его грехом, все вместе они требуют от человека бороться за счастье до конца, и в этом они, безусловно, правы. А то, что они в этом вопросе едины, говорит о том, что эта межконфессиональная догма – глубоко осмысленный человеческий опыт, более того, очень точный, очень полезный и очень перспективный опыт, особенно для жизни человека после его смерти, но это опять-таки вне темы этой книги.

То, что счастье – штука необходимая и желаемая, со мною вряд ли кто осмелится спорить, но здесь возникает взаимосвязанный вопрос – а какое счастье для вас является достаточным?

Вот еврейская поговорка гласит, что задница больших размеров – тоже счастье, а русская поговорка на эту же тему разжевывает – нельзя путать божий дар с яичницей. Да, действительно, особенно когда голоден (а у любителя и просто так), яичница, да еще «с салцем», может вызвать чувство удовлетворения, воспринимаемое как счастье. Но надо же понимать, что у Господа Бога в арсенале осчастливливания человечества имеются не только яичница, и на фоне того счастья, которое способен испытать человек по чисто человеческим поводам, яичница за счастье совершенно не воспринимается. Подчеркну, речь идет только о человеке, поскольку у животных перечень поводов для счастья резко ограничен, и ввиду этой ограниченности для животного яичница (еда) – это одно из самых больших счастья. Но божья

благодать, как известно, на животных не распространяется.

У животных, в том числе и людей, не сумевших подняться над уровнем животных, перечень поводов для счастья, повторю, очень ограничен, и перечислить его не трудно.

1. Отсутствие опасности, особенно опасности для жизни. Смерть для животного – это самое большое несчастье, и во имя собственной жизни животное готово на все. Поэтому животных так легко приручать и заставлять делать то, что хочешь. Поэтому и люди, не сумевшие поднять себя над животным – над страхом смерти, так легко становятся рабами. Чтобы остаться в живых и не испытывать предвестницы смерти – боли, – животные готовы на все, поскольку для них в данном случае отсутствие несчастья (смерти) – это счастье, а на что не пойдешь во имя счастья?

2. Вторым поводом для счастья является удовлетворение естественных надобностей и особенно зримо – в еде. Но если просто животные, обладая врожденным здравым смыслом, счастьем считают питательную еду – ту, которую в данном случае требует их организм, то человекообразные животные счастьем считают модную еду – ту, потребление которой их, в их глазах, возвышает над другими людьми. Еда – сильный фактор животного счастья, поэтому с ее помощью так же легко заставить животное делать то, что ты хочешь, – и через горящий обруч прыгать, и на демонстрации флаги носить. Скажи животному, считающему модным есть колбасу, что его ожидают в магазинах 200 сортов колбасы сразу, и во имя

этого счастья животное растопчет и свой ум, и свою честь, и свою совесть.

3. Мощным поводом для счастья животного является удовлетворенное половое влечение – то, что у людей называется любовью. Повод для счастья очень зыбкий, поскольку имеет яркую вспышку, а затем быстро спадает, становясь достаточно обычным делом. У животных этот повод гораздо слабее первых двух, скажем, за кормовую территорию животные вполне могут драться насмерть, а за самку только имитируют бой. У человекообразных животных, как и у обычных животных, это тоже очень слабый повод для счастья. Они обычно очень много болтают о любви, поскольку у них, как правило, мало тем для разговора, но человекообразные животные в отличие от людей любовь ценят очень мало.

4. Существенным поводом для счастья животного является безделье. Безделье – это инстинкт, – природе важно, чтобы животное не тратило понапрасну энергию и тем самым не уменьшало количество животных, живущих на единице кормовой территории.

5. Поводом для счастья являются развлечения. Чтобы безделье не привело к гибели животного, поскольку бездельник и мало знает, и мало умеет, природа заложила животным и повод для несчастья – скуку. Ликвидируется это несчастье развлечениями, которых у животных два – игры и зрелища. Подчеркну: подавление скуки у собственно животных – это способ совершенствования животного, ибо зрелища да-

ют полезную для жизни животного информацию, а игры – навыки. Вспомним далеких предков: в Древней Греции, где зародился спорт, все его виды – бег, прыжки, кулачные бои, метание копья (ядра, диска) – имели прикладное значение: все это помогало человеку победить на охоте или в бою.

И только по мере того, как человек, точнее – часть людей, стал себя чувствовать на Земле все более комфортно, человекообразные животные стали потреблять игры и зрелища сугубо для подавления своей скуки – следствие стало целью. Более того, в развлечения вошло и то, что для животных развлечением никак не является, – половые контакты. Как это ни парадоксально звучит, но человекообразные животные (т. е. люди, которые в процессе воспитания остались на стадии животных) более животные, чем настоящие животные. У них развлечение только ради развлечения, а секс только ради секса.

А человек это все же больше, чем животное. И отличает его от животного то, что он благодаря развитости своего мозга не имеет оснований для скуки – умному человеку некогда скучать, поскольку он и может, и обязан познавать мир непрерывно. И это познание может быть и его делом, и его развлечением в то время, когда человек не занят исполнением своего дела или долга.

Я не буду утверждать, что развлечения – даже те, что человечество уже придумало, – вообще не нужны, просто если ими только подавляется скука, то для человека это та-

кое «счастье», которое по своему примитивизму – по своему уровню – даже ниже того счастья, которое испытывает животное при своих играх или зрелищах.

Под этим следует подвести черту, поскольку у животного поводов для счастья больше нет, и этот список исчерпывает их все.

Беда человечества в том, что сегодня органы формирования общественного мнения практически во всем мире заполнили не люди, а организмы, называющие себя людьми. И эти организмы убеждают остальную толпу, что других поводов для человеческого счастья и вовсе не бывает, что человек родился вот именно для этого – чтобы пожрать, потрахаться, поразвлекаться и подохнуть в мучениях от старческого маразма. И чем больше и многообразнее (до того времени, как подохнуть) человек успеет сожрать, потрахаться и развлечься, тем якобы он более счастлив.

Это обман, и те, кто так утверждает, или осознанно и подло, или в силу собственного идиотизма обманывают людей – обманывают тем, что не дают им получить счастье в полной мере – в человеческой мере.

О счастье человека

Ведь человеку доступны все виды счастья, которые я перечислил выше, и если они ему нужны, то он получает удовольствие и от них. Но человеку также доступны и такие виды счастья, о которых животное даже не подозревает. Мало этого, человеческие виды счастья намного сильнее, нежели примитивные удовольствия животных, настолько сильнее, что человек вполне может отказаться от любых видов животного счастья, чтобы получить счастье человека.

Животное не понимает, как можно быть счастливым по тем поводам, по которым счастлив человек, не понимает потому, что никогда не испытывало настоящего человеческого счастья. Животное искренне не представляет, как можно отказаться от животных удовольствий – от единственного счастья, доступного животному, в том числе и человекообразному животному. И в глазах таких человекообразных животных настоящий человек очень часто выглядит глупцом, поскольку человекообразное животное не в состоянии понять, зачем и почему человек в ряде случаев отказывается от возможности получить животное удовольствие. Посему животное часто приходит к единственному выводу, что это потому, что человек глупее его, животного.

Поводов для человеческого счастья два, возможно, их больше, но мне достаточно и этих.

1. Счастье от исполнения долга.

Причем, чем тяжелее долг исполнить, чем больше труда и мужества требует его исполнение, тем больше счастья. Чело-векообразному животному этот вид счастья недоступен совершенно, – оно его никогда не испытывало и абсолютно уверено, что исполнение долга – это несчастье, которое нужно избегать при любом удобном случае. Человекообразное животное ведь тоже исполняет свой долг, например ходит на работу или не ворует все, что попадется под руку. Но животное исполняет свой долг только потому, что его исполнять заставляют силой – силой денег, которые дают возможность получить животные удовольствия, или угрозой наказания. Само, по своей воле животное свой долг никогда не исполнит, и в этом вся причина. Чтобы получить счастье от исполнения долга, долг нужно исполнить по своему желанию, без любого насилия, руководствуясь только своей моралью. Без этого счастье от исполнения долга равносильно счастьем лошади, которой после пахоты дают вкусенького овса, и только.

2. Счастье от творчества.

По своей внутренней сути оно аналогично предыдущему, поэтому для его получения вредно думать о том, какие материальные блага принесет тебе твое творчество, тут нужно руководствоваться жадой познания жизни, жадой прове-

рять себя, внутренним честолюбием – сознанием, что ты это смог! Творчество – получение нового полезного результата – многоступенчато: сначала результаты творчества внове только для тебя – тебе предстоит освоить то, что уже могут другие. Потом предстоит достичь то, что могут немногие. Потом предстоит получить тот результат, который никто до тебя получить не мог.

Творчество – это то, для чего человек нужен природе, и счастье, которое природа дарит за него, превосходит все виды животного счастья.

Тут есть еще один нюанс. Все виды животного счастья имеют свойство приедаться – при длительном повторении животных удовольствий они перестают таковыми быть. И тогда, как говорится, хочется чего-нибудь остренького, как правило, того, на что у животного ума не хватит.

Очень умный философ (уже потому умный, что писал коротко и ясно) Абай Кунанбаев сделал вывод, на который способен только человек: *«Приедается все. Приедаются лучшие яства, приедается любимый скакун, приедается молодая жена. Не приедается только думать»*. Эту мысль можно было бы уточнить – не приедается творить.

И человеческие виды счастья никогда не приедаются – сколько бы ты ни повторял творческие успехи, а любой новый результат дает не меньшую радость, чем и полученный впервые. Сколько бы ни шел на риск исполнения долга, можно притупить только свой собственный страх, а радость по-

беды будет такая же, как и от первой победы.

Вот я и хочу обратить внимание читателей на следующее: то, что они сегодня имеют для счастья, вполне возможно, далеко не все то, что они могли бы иметь.

Безвольное животное скажет: «А зачем это мне? Пусть я и животное, а ведь счастливо: имею работу «не бей лежачего», сладко кушаю, гладко какаю, перепробовал все приемы из «Камасутры» и поэтому счастлив в самой полной мере. И ничего больше мне и не требуется!»

Ну, что же поделать – эта животная позиция прочная, ее трудно пробить да, откровенно говоря, нет и желания. Судьба подарила человеку жизнь человека, а он хочет прожить свою жизнь еще примитивнее, нежели животное. С одной стороны, обидно за него, но с другой стороны, если у него такое умственное развитие, то, может быть, пусть получит хотя бы то счастье, которое ему по уму?

Люди и чижи

Итак. Я полагаю, и меня никто особенно в этом не разубедил, что люди делятся на три части, определенные личными качествами и воспитанием. Вообще-то, делить людей по их качеству – это очень старинная выдумка, и я тут ничего нового не изобретаю, поэтому немного о таком делении.

Моя Родина – Советский Союз – была создана коммунистами-большевиками, а большевики действовали по учению, основы которого заложил Карл Маркс. Цель этого учения очень благородна – указать людям путь к будущему обществу справедливости – и благородство этой цели заслонило собой убогость самого учения. Не вижу смысла эту убогость рассматривать полностью, поскольку рассмотрел ее в других книгах, но на одном моменте в данном случае следует остановиться.

Маркс разделил людей на два основных класса – капиталистов и пролетариев, и это разделение поразительно по своей научной (истинной) нелепости. На практике получалось так: если человек не имеет никакой собственности, то он «передовой и прогрессивный», а если имеет собственность на средства производства, то он эксплуататор и очень нехороший человек. Вообще-то, в науке классифицируют так, как удобно для данного исследования, но Марксову классификацию в вопросах совершенствования общества нельзя

было применять на практике ни в коем случае по причине ее ложности. Ведь по такой классификации ленивый и тупой пролетарий, который не имеет никакой собственности из-за лени и тупости и никогда не будет ее иметь, – очень хороший человек, а друг и соратник Карла Маркса капиталист и фабрикант Фридрих Энгельс – очень плохой.

Давайте я попробую пояснить ошибку Карла Маркса моделью. Магазины, в которых продаются товары, как правило, классифицированы на продовольственные, промтоварные, хозяйственные, спортивные и т. д. Это удобно, а значит, в данном случае истинно и научно. Решив купить помидоры, вы не потратите время на посещение магазина спортивных или хозяйственных товаров, вы сразу пойдете в овощной. А представьте, что какой-нибудь Карл Маркс от торговли создал учение, по которому магазины нужно классифицировать по цвету товаров. Вы захотели купить помидоры и идете в магазин товаров красного цвета, а в нем вам предлагают красные мотоциклы. Что толку вам от такого «всепобеждающего учения»?

Тем не менее, Карл Маркс и марксисты предопределили действительно звездный час человечества. В учении Маркса ценными оказались сама цель учения и опора на творца – на человека производительного труда. Сталин, к примеру, фактически только это и использовал из марксизма в государственном строительстве. Он, Мао Цзэдун, Фидель Кастро достигли грандиозных успехов, толкнув свои страны далеко

вперед, но: Но проблемы марксистского тупика оставались. К концу жизни Сталин сознавал это и с горечью повторял соратникам: «Без теории нам смерть!»

Чтобы понять ошибку Маркса, давайте опять вернемся к модели с магазинами. По какому принципу они классифицированы? По принципу **цели** товара. Главное – для какой цели служит этот товар: для насыщения от голода, для защиты от холода и т. д. **Цель** – то, по чему и должна вестись основная классификация (разделение). А потом уже в пределах основного класса можно делить объекты по другим признакам, скажем, по отношению к частной собственности. Ошибка Маркса в том, что он, не разделив людей основной классификацией, начал делить их по невразумительной вспомогательной классификации, выдав ее за основную.

Следовательно, людей надо было сначала разделить **по их взглядам на цель их жизни**. И это не так уж и сложно.

За базу для классификации нужно взять цель жизни животного, поскольку люди являются одновременно и представителями животного мира. Цель животного – в его воспроизводстве, в вечной жизни его вида; эта цель заложена ему в инстинктах: самосохранения, половом, удовлетворения естественных надобностей, сохранения энергии (лени). Животное следует заложенным в нем инстинктам потому, что за удовлетворение инстинктов природа награждает и животное, и человека чувством удовольствия.

Но человек больше чем животное. Природа дала ему спо-

способность подавлять инстинкты в случаях, когда человек служит великой цели – той цели, ради которой он готов жить и ради которой готов умереть. Такой целью должно быть и познание жизни, такой целью может быть и творчество, в любом случае человеческая цель не предназначена для удовлетворения животных инстинктов. Это первый класс людей, это и есть собственно люди, а не человекоживотные, и давайте их так просто и назовем – люди.

Второй класс – обыватели. Их цель в жизни, как и у животного, – в воспроизводстве рода. Они собственных Великих Целей не имеют и всегда находятся под внешним влиянием: поступают «как все». При этом они могут легко пойти на подавление своих животных инстинктов, если все это делают. Если все верят в Бога и руководствуются в своей жизни его заповедями, то и они руководствуются этими заповедями, даже если их животные инстинкты требуют другого. Если все служат великой цели, то и они служат и без особых проблем могут пойти за эти цели в бой и на смерть.

Третий класс самый страшный. Это класс людей, у которых цель жизни только в удовлетворении своих животных инстинктов. Эти люди страшнее животных, поскольку животное удовлетворяет свои инстинкты ровно настолько, насколько это требуется для его цели – воспроизводства вида.

Вот мне приходилось наблюдать охоту львов в саванне. Семья львов убивает антилопу буффало весом до 600 кг. И вся семья лежит возле этой антилопы и ест ее, пока не съест.

(По словам егера, до недели.) В это время остальные антилопы могут по этим львам пешком ходить — львы, пока не съедят имеющуюся добычу и не оголодают снова, никого в саванне не тронут.

При опасности животное спасается, но оно никогда не будет спасать себя за счет убийства себе подобного. Совокуплением животные занимаются, как правило, только тогда, когда самка может понести потомство. Между прочим, животные не наносят непоправимого ущерба планете.

В отличие от животных люди третьего класса не знают меры в получении удовольствий от удовлетворения инстинктов: они совокупляются, но не имеют детей, т. е. совокупляются только ради совокупления. Они ради спасения собственной жизни или даже ради удовлетворения естественных надобностей готовы убить кого угодно, особенно если убивать безопасно или если они убивают чужими руками. Для удовлетворения животного инстинкта естественных надобностей такие люди гребут под себя больше, чем могут усвоить, даже если другие вокруг умирают. Инстинкт лени у них гипертрофирован: они ненавидят работу в принципе, посему стараются жить за счет других людей. В том, что такие люди есть, сомневаться не приходится, чтобы в этом убедиться, кому-то достаточно посмотреть в зеркало, остальным, в крайнем случае, включить телевизор: сегодня на экране правят бал организмы именно третьего класса.

Как их назвать? Сами себя они называют людьми, но надо

ли остальным их так называть? Ведь это вносит путаницу и не дает возможности понять происходящее.

Назвать их животными? Но ведь настоящие животные далеко не такие. Может быть, из-за их стремления взять, но ничего не дать, назвать их халявщиками? Но халявщик не обязательно имеет цели людей третьего класса.

И я решил назвать их человекообразными животными, аббревиатурой – ЧЖ, или сокращенно чижи. Понятно, что я незаслуженно обижаю эту симпатичную птичку, но нужен термин, и птичке придется потерпеть.

В общем, можно дать такое определение: быть чижом – это стремиться паразитировать, стремиться получать с других то, что ты не заработал, при этом паразитировать требуется с видом порядочного человека. Последнее условие обязательно, поскольку если вы просто воруете и не выказываете претензий, чтобы вас именовали достойным человеком, то вы не чиж, а вор; если вы открыто выпрашиваете милостыню, то вы не чиж, а нищий. А если делаете то же самое, но требуете, чтобы вас прекратили оскорблять антисемиты или коммунисты, то вы – чиж. Заметьте, быть чижом – это стремиться паразитировать, а не действительно паразитировать. Это моральный облик человека, а не конкретный поступок. Вот человек стремится паразитировать, да не получается у него – другие чижи не дают, либо общество начеку. Но он все равно чиж!

Чиж стремится паразитировать не из любви к искусству,

а, повторю, чтобы удовлетворить инстинкты – быть в лени, быть в безопасности, жрать и сношаться. Более высоких целей у него нет, слава, если она не дает материальных благ, скажем, посмертная, ему тоже, естественно, не нужна. Но в чистом виде, тем более в СССР, паразитировать было трудно, поэтому-то к развалу страны в быт вошло альтернативное «паразитированию» слово – «устроиться». Не завоевать себе место в жизни, не заработать его, а «устроиться» в жизни, т. е. как можно меньше другим отдать и как можно больше от общества взять.

В плане влияния на обывателя чижи имеют огромное преимущество перед людьми – для того, чтобы следовать примеру людей, нужно держать в узде свои животные инстинкты, а для того, чтобы следовать примеру чижей, эти инстинкты нужно распустить, что гораздо легче и доступно каждому. Пока в органах власти СССР и, соответственно, в органах формирования общественного мнения Советского Союза были люди, а чижи маскировались под людей, то и обыватель строил и защищал свою Родину. Но как только чижи подавили людей в умах обывателя своими убогими идеями, обыватель хлынул вслед за чижами и СССР рухнул.

Понимали ли чижи, что именно они делают? Это вряд ли, и в предисловии я уже начал об этом говорить. Дело в том, что чижи от природы не глупы, но весь их интеллект озабочен реализацией их алчных целей. В связи с этим они просто не знают ничего из реальной жизни – из того, что нуж-

но гражданам страны для своего существования. Чижи абсолютные эгоисты и не имеют никакого понятия о чувстве долга ни перед кем, и меньше всего – перед своим народом или Родиной.

Они, повторю, не глупы, часто бывают очень начитанными и знают множество слов, посему успешно устраиваются писателями, журналистами, учеными и на любой профессии, на которой требуется память. Но чижи редко понимают смысл употребляемых слов, если эти слова не описывают их интересы, поэтому редко понимают, о чем они пишут и к чему призывают.

Русские нерусскими глазами

У меня есть приятель, совсем нерусский, даже не славянин. Никак не могу заставить его начать писать, а собеседник он интереснейший из-за своих парадоксальных взглядов и выводов.

Он большой любитель кино, недавно мы встречались, и приятель заговорил о вновь просмотренном по телевизору «Собачем сердце» по мотивам повести Булгакова.

– Раньше я думал, что это просто антикоммунистический фильм, а теперь понял, что это глубоко антирусский фильм. В нем показаны две расы, причем именно русские показаны в унижительном виде, – начал он.

Я этот фильм смотрел по его выходе на экраны, самой повести потом, естественно, не читал, но по оставшимся от фильма обрывкам воспоминаний с приятелем не согласился.

– В фильме показаны интеллигенция и простой народ, а они, действительно, как два народа, но это обычный взгляд «творческой интеллигенции» – Булгакова и создателей фильма – на «быдло».

– Нет, – не согласился приятель, – это не внутривидовая борьба, это межвидовая борьба, и если бы в ролях профессора Преображенского и доктора Борменталья в фильме снялись японцы, это было бы хорошо видно. Вы же посмотрите, насколько разное отношение к людям: со стороны Преобра-

женского и Борменталья презрение и безжалостность к русским, а со стороны русских сострадание даже к врагам. Шариков издевается над кухарками, они имеют основание его ненавидеть, но когда Борменталь начал его душить, они стали Шарикова защищать – чисто по-русски. И то, что, по Булгакову, из бродячей собаки вырастает русский и у русского сердце собачье, имеет глубоко оскорбительный смысл.

– Ну, – не согласился я, – строго говоря, Шариков воспитан евреем Швондером, сказать, что он русский, трудно, коммунист – да.

– Нет, именно русский, это сразу узнается. Смотрите, какие Шариков сделал выводы после попытки прочесть переписку Маркса с Каутским – «нужно все взять и поделить». Как русский!

– Ты тут себе противоречишь, «взять и поделить» – это все же скорее по-коммунистически. – Приятель задумался, не находя доводов, но и я тоже заколебался: – Хотя, конечно, делить поровну – это по-русски.

Мне как-то серб еще в СССР рассказал анекдот, который он, западноевропеец, считал смешным. Русский и поляк нашли кошелек. Русский предлагает поделить по-братски, а поляк предлагает поделить поровну. Тут надо смеяться, но я не понял, в чем юмор или сатира этого анекдота. И серб победно подытожил, что мы, русские, этот анекдот в принципе понять не можем, поскольку у нас в России никогда не было майоратного права. У русских отец не мог выгнать сына из

семьи, а мог его только отделить, причем наделив равной со всеми мужчинами долей своей собственности. Для русских «по-братски» – это только поровну, других вариантов нет. А на Западе было майоратное право, по которому вся собственность отходила только старшему сыну. А остальным не доставалось ничего, как в сказке «Кот в сапогах»: «Старшему досталась мельница, среднему – осел, а младшему – кот».

– Точно, – засмеялся приятель, – крестовые походы совершали младшие братья. И вот, смотрите, фильм «Золотой теленок», – вспомнил он. – Роман написали русский и еврей, так что образы должны быть точными с точки зрения расовых особенностей. В фильме четыре проходимца – непонятной национальности, поляк, еврей и русский. Вспомните, как Шура Балаганов и Паниковский деньги делили...

Прерву приятеля и лучше приведу этот эпизод прямо из книги, напомнив, что предшествует ему рассказ о том, как Шура и Паниковский ограбили Корейко.

«Когда Остап вернулся в гостиницу «Карлсбад» и, отразившись несчетное число раз в вестибюльных, лестничных и коридорных зеркалах, которыми так любят украшаться подобного рода учреждения, вошел к себе, его смутил господствующий в номере беспорядок. Красное плюшевое кресло лежало кверху куцыми ножками, обнаруживая непривлекательную джутовую изнанку. Бархатная скатерть с подушками съехала со стола. Даже картина «Явление Христа народу» и та покосилась набок, потерявши в этом виде

большую часть поучительности, которую вложил в нее художник. С балкона дул свежий пароходный ветер, передвигая разбросанные по кровати денежные знаки. Между ними валялась железная коробка от папирос «Кавказ». На ковре, сцепившись и выбрасывая ноги, молча катались Паниковский и Балаганов.

Великий комбинатор брезгливо перешагнул через дерущихся и вышел на балкон. Внизу, на бульваре, лепетали гуляющие, перемалывался под ногами гравий, реяло над черными кленами слитное дыхание симфонического оркестра. В темной глубине порта кичился огнями и гремел железом строящийся холодильник. За брекватером ревел и чего-то требовал невидимый пароход, вероятно, просился в гавань.

Возвратившись в номер, Остап увидел, что молочные братья уже сидят друг против друга на полу и, устало отпихиваясь ладонями, бормочут: «А ты кто такой?»

– Не поделились? – спросил Бендер, задерживая портьеру.

Паниковский и Балаганов быстро вскочили на ноги и принялись рассказывать. Каждый из них приписывал весь успех себе и чернил действия другого. Обидные для себя подробности они, не сговариваясь, опускали, приводя взамен их большое количество деталей, рисующих в выгодном свете их молодечество и расторопность.

– Ну, довольно? – молвил Остап. – Не стучите лысиной по паркету. Картина битвы мне ясна. Так вы говорите, с ним была девушка? Это хорошо. Итак, маленький служа-

ций запросто носит в кармане... вы, кажется, уже посчитали? Сколько там? Ого! Десять тысяч! Жалованье господина Корейко за двадцать лет беспорочной службы. Зрелище для богов, как пишут наиболее умные передовики. Но не помешал ли я вам? Вы что-то делали тут на полу? Вы делили деньги? Продолжайте, продолжайте, я посмотрю.

– Я хотел честно, – сказал Балаганов, собирая деньги с кровати, – по справедливости. Всем поровну – по две с половиной тысячи.

И, разложив деньги на четыре кучки, он скромно отошел в сторону, сказавши:

– Вам, мне, ему и Козлевицу».

Остановим повествование.

– Заметьте, – говорил мне приятель, – Остапа и Козлевица не было при грабеже, но русский Балаганов о них помнит, Бендер – глава шайки, но Балаганов и не думает к нему «подмазываться» – он назначает Бендеру такую же равную долю, как и остальным.

Но продолжим чтение романа.

«– Очень хорошо, – заметил Остап. – А теперь пусть разделит Паниковский, у него, как видно, имеется особое мнение.

Оставшийся при особом мнении Паниковский принялся за дело с большим азартом. Наклонившись над кроватью, он шевелил толстыми губами, слюнил пальцы и без конца переносил бумажки с места на место, будто раскладывал боль-

шой королевский пасьянс. После всех ухищрений на одеяле образовались три стопки: одна – большая, из чистых, новеньких бумажек, вторая – такая же, но из бумажек погрязнее, и третья – маленькая и совсем грязная.

– Нам с вами по четыре тысячи, – сказал он Бендеру, – а Балаганову две. Он и на две не наработал.

– А Козлевицу? – спросил Балаганов, в гневе закрывая глаза.

– За что же Козлевицу? – завизжал Паниковский. – Это грабеж! Кто такой Козлевич, чтобы с ним делиться? Я не знаю никакого Козлевича.

– Все? – спросил великий комбинатор.

– Все, – ответил Паниковский, не отводя глаз от пачки с чистыми бумажками. – Какой может быть в этот момент Козлевич?»

– Шура мог просто поторговаться и выторговать себе еще полтыщи, и у него было бы столько же, как он и сам себе назначил, – продолжил мысль мой нерусский приятель. – Но он дрался с Паниковским, чтобы свою долю получил и Козлевич, которого Паниковский предал, даже не задумываясь. Но, одновременно заметьте, хитрый Паниковский «подмывает» атамана большой долей, чтобы с его помощью самому получить больше, чем при делении добычи Шурой.

А теперь вспомните, как описан в романе эпизод смерти Паниковского, которого к этому моменту ненавидел не только Шура Балаганов, но и вся компания, которую Паников-

ский только что оставил голодной из-за своей алчности.

«Дорога тянулась бесконечно, и Паниковский отставал все больше и больше. Друзья уже спустились в неширокую желтую долину, а нарушитель конвенции все еще черно рисовался на гребне холма в зеленоватом сумеречном небе.

– Старик стал невозможным, – сказал голодный Бендер. – Придется его рассчитать. Идите, Шура, притащите этого симулянта!

Недовольный Балаганов отправился выполнять поручение. Пока он взбегал на холм, фигура Паниковского исчезла.

– Что-то случилось, – сказал Козлевич через несколько времени, глядя на гребень, с которого семафорил руками Балаганов. Шофер и командор поднялись вверх. Нарушитель конвенции лежал посреди дороги неподвижно, как кукла. Розовая лента галстука косо пересекала его грудь. Одна рука была подвернута под спину. Глаза дерзко смотрели в небо. Паниковский был мертв.

– Паралич сердца, – сказал Остап, чтобы хоть что-нибудь сказать. – Могу определить и без стетоскопа. Бедный старик!

Он отвернулся. Балаганов не мог отвести глаз от покойника. Внезапно он скривился и с трудом выговорил:

– А я его побил за гири. И еще раньше с ним дрался».

– Все! Русский тут же начал жалеть своего врага и каяться, что нанес ему когда-то обиды, – победно подытожил приятель, уверенный, что доказал свой тезис.

Между прочим, придя домой, я вспомнил чуть ли не буквально такой же пример из своей книги «Антироссийская подлость», в котором сообщаю, что исследователь советских лагерей для военнопленных австрийский историк С. Карнер, по воспоминаниям немецких военнопленных, написал в своей книге «Архипелаг ГУПВИ» в главе «Корректировка образа врага»: *«Важным моментом для тех, кто был вынужден работать в Советском Союзе, был контакт с русским гражданским населением. Опыт совместной работы в промышленности, сельском хозяйстве и на шахтах в большинстве случаев вносил существенные изменения в образ «русского», созданный нацистской пропагандой. В особенности резко пропагандистскому образу врага противоречат взволнованные, доброжелательные рассказы бывших военнопленных о жизни и о значении русской женщины в семье и в обществе, а также о «простых русских». В памяти многих навсегда остались и каша, которой с ними делились русские, и предложенная папироска или еще какой-нибудь поступок – все это создавало новый для многих образ «русского», который даже в экстремальной ситуации, будучи сам на грани жизни и смерти, когда нет ничего лишнего, делится последним».*

Так что же наша российская интеллигенция? Другой народ или уже другая раса, которая к тому худшему, что есть у русских, добавила все худшее, что есть у других народов? Давайте начнем сначала – откуда произошли эти чижи,

кто был для них примером?

Чижи дворянства

Смысл существования дворянства в вооруженной защите Отечества. Дворяне – солдаты, а царь – их генерал. В старые времена, чтобы содержать одного человека, который из-за занятости не способен прокормить себя непосредственной работой в сельском хозяйстве, нужно было не менее 10 крестьянских дворов. Из-за низкой производительности труда в суровых условиях России именно такое количество людей давали добавочный продукт, которого хватало на еду, одежду и оружие одного воина. Поэтому князя, а затем цари закрепляли за воинами землю и дворы с крестьянами. Это имело смысл: просто наемник, если платить ему только деньги, испытывал любовь только к деньгам и мог переметнуться к любому, кто эти деньги мог заплатить в большем количестве. Русский дворянин защищал не просто государство, а и свою землю со своими крестьянами. За заслуги князь или царь закреплял за отличившимися дворянами много земли и крестьян, но тогда на войну такой дворянин шел с собственным отрядом бойцов.

Если же дворянин по любым причинам прекращал службу, то у него изымались и земля, и крепостные. Если дети умершего дворянина к 15 годам не становились в строй, у них отбиралось имение отца. Иногда из-за страха перед ратной службой дети дворянские записывались в другие сосло-

вия, скажем, в купцы, и у них отбирались земля и крепостные. Звучит парадоксально, но в допетровские времена существовали царские указы, запрещавшие дворянам переходить... в холопы, т. е. в крепостные. Впоследствии бедные дворяне часто не имели ни земли, ни крепостных, но до самой отмены крепостного права в 1861 году никто, кроме них, не имел права их иметь.

На начало XVIII в. армия России составляла примерно 200 тыс. человек при 3–5 тыс. офицеров. Четверть этой армии, т. е. более 50 тыс. человек, были дворянами, остальные – рекруты из крестьян и других сословий. Еще во времена Суворова служба потомственного дворянина до самой старости рядовым или сержантом была обычным делом, а если дворянин был неграмотным, то и обязательным.

Но придурок царь Петр III, решивший взять себе за образец «цивилизованные» страны Европы, в 1762 году освободил дворян от службы России. Беспрецедентный случай – превращение сословия в чижей произошло насильно – сверху. Теперь русский дворянин неизвестно за что имел крепостных и землю (титулованные дворяне – князья – имели их очень много), но мог не служить! Брал, но мог не давать!

К чести дворян, процесс превращения их в чижей шел не очень быстро, и тем не менее к началу XX в. дело дошло до того, что даже в офицерском корпусе русской армии потомственных дворян осталось чуть более трети. Поэтому на дворян была распространена воинская повинность, что было по-

зором, если понимать, кто такой дворянин, но, тем не менее, к началу Первой мировой войны (1914) из 48 тысяч офицеров и генералов русской армии потомственные дворяне составили всего около 51 %. Обратите внимание: в 1700 году в армии было 50 тыс. дворян, в 1914 году не было и 25 тыс..

При этом в России на 1914 год было 1,5 %, или почти 2,5 млн дворян, т. е. не менее 250 тыс. призывного контингента. И эти дворяне не способны были укомплектовать 50 тыс. офицерских должностей!

Еще. По реформе 1861 года дворянам оставили в собственности 80 млн десятин земли. Многие дворяне эту землю профукали, к 1913 году во владении дворян осталось всего 50 млн десятин и 55 тыс. поместий. Уже и земли дворяне не имели, а служить России не желали! И, естественно, не желали служить России те, кто землю и собственность имел.

Так, к примеру, на 1903 год из элиты сухопутных войск – из 159 генерал-майоров Генерального штаба – только 13 имели земельную собственность и 4 человека – собственные дома. Остальные имели только жалованье. На 2696 полковников русской армии приходилось всего 24 князя и 11 графов; на 1392 генерала – 25 князей и 23 графа, т. е. в армии уровень титулованной, самой богатой части дворянства продолжал неуклонно падать (среди полковников чинов титулованной знати меньше, чем среди генералов). При этом титулованное дворянство имело в армии неофициальное преимущество – в среднем на 3 года раньше повышалось в чи-

нах.

Война, в которую вступила Россия в 1914 году, никаких патриотических чувств в массе дворянских чижей не подняла: не задела она ни чувства совести, ни чувства ответственности. (Как не задел никаких чувств развал СССР в массе т. н. «коммунистов».) Чижам подобные чувства неведомы. К началу 1917 года в армии было 115 тыс. офицеров – количество, которое без труда и несколько раз могло укомплектовать 2,5-миллионное российское дворянство. Тем не менее, к этому году, к примеру, в Иркутском военном училище из 279 юнкеров было всего 17 детей дворянских. Если скажете, что в Сибири дворян было мало, то вот данные по Владимирскому военному училищу: из 314 юнкеров 25 детей дворянских. На фронте производили в прапорщики из солдат: 80 % прапорщиков – крестьяне, 4 % – дворяне. Вот и найдите в этих цифрах тех самых пресловутых поручиков Голицыных и корнетов Оболенских, о которых поется в белогвардейской песне.

Вот воспоминания князя С.Е. Трубецкого «Минувшее», в которых князь описывает то, что их «птичьей» семье удалось урвать от России:

«Оба мои деда, особенно Щербатов, любили покушать, отец же и мать относились к еде весьма равнодушно (особенно мама), но, конечно, считали естественным, чтобы еда была очень хорошая. Несмотря на нашу «скромность» в еде, иметь кухарку, а не повара даже на ум не приходило,

а повару был нужен еще помощник, а еще на кухне считалась необходимой специальная судомойка. Все это на семью из четырех человек (потом – пять, когда родилась сестра Соня). Еще была многочисленная прислуга, штат которой, искренно, казался нам очень скромным по сравнению, например, с большим штатом людей у дедушки Щербатова. Дедушка же рассказывал, что штат прислуги у их родителей (моих предков) был неизмеримо больше, чем у них. Так шло упрощение быта наших семей из поколения в поколение еще до всяких революций».

Даже выкинутый из России в эмиграцию, Трубецкой в своей наглости потомственного чижа полагает, что то, что им на четырех человек готовили еду всего лишь повар с помощником и посудомойкой, это такое демократическое «упрощение быта», что Россия князьям Трубецким (мать его из рода князей Щербатовых) должна быть век за это благодарна.

Еще цитата: «Вина папа пил очень мало, что не мешало все же, при всей скромности нашего погреба, выписывать из Германии бочонками любимый папой рейнвейн, а специально для дедушки держать какую-то замечательную мадеру. При званных обедах подавать за столом русское вино казалось тогда неприличным, для них было совершенно необходимо бордо – красное и белое – и, надо сказать, что такого сотерна или икема, который я пил у нас и у других в России, во Франции мне пить не приходилось. У нас были отличные наливки, запеканки и фруктовые ликеры домашнего изделия,

но на обедах с гостями эти напитки не подавались, не говоря уже о разных квасах — хлебном, сухарном, клюквенном, яблочном, и водичках — черносмородиновой и др. Все это подавалось только за нашим обычным столом. Водки у нас в доме почти не употребляли, а мы с братом до самой Мировой войны ее совсем не пили (не считая иногда зубровки)».

Что же взамен давали России князья Трубецкие? Дед Трубецкого еще помнил, что в молодости он служил адъютантом главнокомандующего под Севастополем. Но отец Трубецкого уже вольный философ. И сам Трубецкой отслушал курс Московского университета на историко-филологическом факультете. Брат его тоже окончил филологический. Поскольку слово «чиновник» Трубецкой считал уничижительным, то после получения диплома он несколько лет до Первой мировой войны ошивался за границей, посещая памятные и злачные места по всей Европе.

С началом войны «закосил» от армии, сославшись на плохое зрение (на данных в книге фото его нигде нет в очках), устроился в «Союз земств и городов» (видимо, для того, чтобы во время войны носить хоть какую-то форму) и поставлял в армию кожу на подошвы, лопаты и т. п. И вся его родня была такая. Уже в 1917 году, после Февральской революции, катастрофически не хватало мужиков ни на фронте, ни на селе, у его тетки, княгини Новосильцевой, мобилизовали официантов. И тетка подала заявление в суд с возмущенными словами: *«Дело дошло до того, что нам за столом пода-*

вала женская прислуга!» И плевать было этой самке чижа и на войну, и на Россию, главное – чтобы за столом ей мужчины прислуживали!

В своем праве чижа паразитировать Трубецкой совершенно откровенен. Он, к примеру, пишет:

«А уж, кажется, в «недемократичности» нашу армию последнего периода упрекнуть было невозможно! Скорее – наоборот. Высший командный состав армии был обычно скромного, а часто – очень скромного происхождения. Чего, кажется, скромнее происхождения, например, генералов Алексеева и Иванова, занимавших в нашей армии самые высшие посты. И это было не исключение, а скорее правило. Например, можно отметить, что за время Мировой войны ни один главнокомандующий или командующий армией не носил громкой, тем более титулованной русской фамилии! Люди с такими именами сражались на куда менее видных постах. И это нельзя назвать неожиданным для тех, кто следил за эволюцией в отношении к военной службе среди нашей аристократии и высшего дворянства. Среди этого слоя общества, тоже за последний период русской истории, начался какой-то отход от армии, при этом менее понятный, чем в рядах интеллигенции. Вот пример из истории нашей собственной семьи, но типичный для многих. Поколения три тому назад все наши предки были военными, а в следующих поколениях военных, наоборот, было очень мало. При этом «интеллигентского» отталкивания от армии у нас не было.

Как сейчас помню ответ моего отца — это было в мои студенческие годы — на уговоры войти в какое-то пацифистское «Общество мира». «Я признаю в России только одно «Общество мира», — ответил мой отец, — русскую армию!» Характерно, что у меня как со стороны отца, так и со стороны матери оба прадеда были полные генералы, деды, служившие в гвардии, ушли в отставку еще в обер-офицерских чинах, мой отец только отбыл воинскую повинность, и единственный из четырех сыновей деда был офицером запаса».

Как вам нравится этот бывший князь, а теперь «интеллигент»? Ведь это позор, что они, Трубецкие, владеют сотнями тысяч десятин русской земли, паразитируют на ней, болтают красивые слова о русской армии, а защищать эту землю и себя поручают Ивановым и Алексеевым!

Мне могут сказать, что наши старинные дворянские роды были большими гуманистами и интеллигентами, крови не любили и по большей части употребляли себя в гражданской службе Отечеству, раз царь Петр I предусмотрел и такую их службу. А как же! Разогнались они!

Вот, к примеру, календарь-альманах «Царь-колокол» на 1913 год, в нем справочные данные об императорской фамилии Романовых и о Главном управлении России. Всего в справочнике указано (кроме царя) 275 главных лиц этого управления — министры, начальники департаментов, командующие округами, флотами, губернаторы, градоначальники, послы и т. д. Среди них титулованных дворян всего 34 че-

ловека: по одному князю из родов Кочубеев, Львовых, Оболенских, Горчаковых и Мосальских; 8 графов – по одному из родов Голенищевых-Кутузовых, Воронцовых-Дашковых, Мусиных-Пушкиных, двое из рода Татищевых и двое из рода Игнатьевых. Итого – 13 человек. Вы спросите – а кто же остальные титулованные дворяне, недостающие до числа в 34 человека? А остальные – это немецкие, французские и прочие бароны и графы – от барона Таубе до графа Бреведон де ла Гарди. А всего иностранцев 74 человека из 275 человек Главного управления России – 27 %.

При этом говорить о засилье немцев в России можно было бы только в том случае, если бы все остальные должности Главного управления были переполнены князьями Долгорукими, Трубецкими, Щербатовыми, Новосильцевыми и т. д. и т. п. Но ведь этих дворянских чижей не было ни в губернаторах, ни в послых. Им на шее крестьян было очень хорошо, посему и не желали они России служить, предоставляя царю вместо них нанимать на службу немцев. В итоге дворяне Россию обжирали, а служили ей немцы и те дворяне из русских, кто дворянство недавно выслужил, а таких было полно и в Главном управлении России – всяких кияшко, галкиных, хвостовых, озеровых и прочих сидоровых.

Это одна сторона медали, давайте оценим и другую.

В результате вольности, данной Петром III дворянству, вольности, позволившей им жить за счет труда крепостных крестьян, у дворян образовалась масса свободного времени,

которое человек обязан использовать для своего человеческого предназначения – для творчества. А как на самом деле русское дворянство использовало это время?

Официально основная их масса была сельскими хозяевами, и естественным результатом их творчества был бы резкий подъем аграрного сектора России. Но посмотрите любой дореволюционный справочник по сельскому хозяйству и убедитесь, что польза России от дворянства в этом вопросе была просто нулевой. Ни единого усовершенствованного дворянами сельского орудия – вся новая сельскохозяйственная техника поступала из-за рубежа. Ни единой породы скота или птицы, несмотря на то, что Россия имела очень перспективные линии, скажем, необычайно устойчивый к болезням серый украинский крупнорогатый скот или киргизскую, необычайно выносливую к работе и кормам лошадь. Славившаяся своей молочной продуктивностью холмогорская порода скота – работа архангельских крестьян. Орловский рысак и русская тяжеловозная лошадь – это дворянские забавы, не имевшие никакого практического значения. Вся остальная работа немногих «культурных» помещиков сводилась к выписке из Англии, Германии или Голландии производителей.

Несколько столетий сухопутная Россия основную массу перевозок выполняла на лошадях, а до советского селекционера маршала Буденного не имела ни единой именной собственно русской полезной сельскому хозяйству и армии по-

роды лошадей, выведенной не крестьянами или казаками без плана, а дворянами осмысленно.

Веками дворянские чижы заставляли крепостных сеять на своих барских полях рожь, но самые «культурные» из них сеяли не собственными семенами, а выписанными из Германии, заставляли крепостных сеять лен, но сортовые семена выписывали из Польши. До советского академика Т.Д. Лысенко и его учеников Россия не знала именных, то есть связанных с конкретным селекционером, растений. Исключение, подтверждающее это правило, – мелкопоместный помещик И.В. Мичурин, – ведь можно же было! Огромное количество свободного времени и огромные денежные ресурсы были сосредоточены в руках дворянских чижей, – и никакой отдачи для России.

В те годы заниматься наукой можно было без больших затрат, поскольку химические и физические опыты можно было делать чуть ли не на колене. Начиная с Петра I, продолжая Николаем I, цари пытались развить в России науку и инженерное дело, но дворянским чижам на это было наплевать.

Навскидку несколько звучащих имен русских ученых и инженеров. Химик Д.И. Менделеев – сын чиновника, внук священника. Математик Н.И. Лобачевский – сын мелкого чиновника. Физиолог И.П. Павлов – сын священника. Физик А.Г. Столетов – сын купца. Инженер К.Э. Циолковский – формально из польской шляхты, но к тому времени его отец был беспоместным мелким российским чиновником. Авиа-

конструктор И.И. Сикорский – сын профессора, внук священника.

Поразительно, но даже в среде русских прославленных конкистадоров и первопроходцев сияют имена либо казаков (Ермак), либо купцов (династия Строгановых), либо крестьян (Е.П. Хабаров). Нет, дети боярские тоже ходили для России земли завоевывать, но только ежели государь пошлет, а не пошлет, так им и на печи неплохо.

Казалось бы, на гражданской службе при засилье ее родовитыми дворянами (*«при нас служащие чужие очень редки, все большие сестрины, свояченицы детки»*) остальным условиям ходу быть не могло. Но все громкие имена государственных деятелей (скажем, Витте или Столыпина) воспринимались тогда и воспринимаются сегодня очень неоднозначно из-за противоречивости результатов их службы, и лишь заслуги одного деятеля воспринимаются без возражений – М.М. Сперанского, сына священника.

Генерал-адмирал граф Апраксин сказал как-то Петру I:
– Хорошо, если б у тебя, государь, было человек десятка два таких, как Демидов.

– Я счастливым бы себя почел, – отвечал царь, – если б имел таких пять-шесть или меньше.

Никита Демидов – из тульских кузнецов.

Единственной бесстрашной инициативой, которую русское дворянство проявляло на государственной службе, была инициатива в поборах и взяточничестве. Николай I без-

жалостно боролся с этим злом, тем не менее именно в его царствование министр юстиции России, чтобы решить абсолютно законное дело своей дочери, вынужден был дать взятку мелкому чиновнику.

Англия гордится не только тем, что у нее старейшие университеты, но и тем, что в Англии никогда не было государственных университетов – все британские университеты содержатся и содержались на средства богатых людей. А в России никогда не было частных университетов – богатым людям России это было неинтересно. Чижи есть чижи – брать, брать, брать и ничего не давать!

Тоже вопрос – а на что дворянские чижи тратили свободное время и огромные деньги? На то, что сегодня называется «понты», – на слуг, золотую мишуру, балы, пиры, карты, – на все то, чем можно пустить пыль в глаза остальным чижам.

И надо сказать, что к началу Первой мировой войны пример дворянским чижам подавала почти вся императорская семья.

В семье Романовых было на 1913 год 32 человека мужского пола, из которых около 20 – цветущего продуктивного возраста. Доход семьи Романовых складывался из доходов от эксплуатации почти 8 млн десятин русской земли. Что это за количество, поясню таким сравнением. Самыми богатыми землепашцами России были казаки, их было в России 3,8 млн человек. За всеми казаками России числилось 3,5 млн десятин войсковых земель. А за семьей Романовых

— почти 8 млн десятин! Могли Романовы взамен этих взятых у России богатств что-то ей дать? Да, но это было бы не в правилах чужей.

По-настоящему служил только двоюродный дядя царя — великий князь Николай Николаевич. Он был главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, честно и не без талантов отвоевал всю войну. Наследник Алексей числился атаманом всех казачьих войск. И все. Остальные Романовы ни в губернаторах, ни в командующих, ни в министрах, ни в послых не замечены. Где-то кем-то числились и были довольны.

Был такой великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, больше известный тем, что в любовницах имел наглую и алчную балерину Матильду Кшесинскую. Историк артиллерии А. Широкоград так описывает результат любви этих птичек.

«Замечу, что ни одно франко-русское соглашение с 1891 по 1914 год не ограничивало русско-германское военное сотрудничество. Тем не менее Россия, получавшая от Круппа лучшие в мире артсистемы, с 1891 года начинает ориентироваться на Францию, позорно разбитую крупповскими пушками в 1870 году!

После 1895 года (то есть после воцарения Николая II) русская сухопутная артиллерия ставится в полную зависимость от Франции. И дело не только в том, что Круппа заменила фирма Шнейдера, производившая менее каче-

ственные орудия. Ни Крупн, ни германское правительство никогда не вмешивались в раздачу военных заказов русским заводам, а тем более в стратегию и тактику русской армии, справедливо считая это прерогативой русских властей. А вот фирма Шнейдера, заключив контракт с Военным ведомством России, обязательно оговаривала, что столько-то лет такая-то пушка системы Шнейдера будет изготавливаться исключительно на Путиловском заводе или вообще будет изготавливаться только на этом заводе.

Почему же Шнейдер так возлюбил этот завод? Да потому, что Путиловский завод – единственный русский частный артиллерийский завод, все же остальные артиллерийские заводы с 1800 по 1914 год принадлежали казне. Надо ли говорить, что правление Путиловского завода было слишком тесно связано с фирмой Шнейдера.

Великий князь Сергей Михайлович и Киесинская совместно с руководством фирмы Шнейдера и правлением Путиловского завода организовали преступный синдикат. Формально в России продолжались проводиться конкурсные испытания опытных образцов артиллерийских систем, на которые по-прежнему приглашались фирмы Крупна, Эрхардта, Веккерса, Шкода и другие, а также русские казенные заводы Обуховский и Санкт-Петербургский орудийный. Но в подавляющем большинстве случаев победителем конкурса оказывалась фирма Шнейдер.

Автор лично изучал в архивах Военного исторического му-

зая отчеты о конкурсных испытаниях орудий. В угоду великому князю Сергею Михайловичу комиссия часто шла на подлог. К примеру, вес орудий Шнейдера подсчитывался без башибачных поясов и ряда других необходимых элементов, а орудий Крупна – в полном комплекте. В отчете писалось, что орудие Шнейдера легче и подлежит принятию на вооружение, но фактически в боевом и походном положении оно было тяжелее своего крупновского аналога.

Что же касается самодержца всероссийского, то занятый мундирами, пуговицами, значками и ленточками, к гаубицам он особого интереса не проявлял.

Но и на этом не кончились бедствия русской артиллерии. Французское правительство через фирму Шнейдера, Сергея, Матильду и ряд других агентов влияния в Санкт-Петербурге навязало российской артиллерии свою доктрину. По французской доктрине будущая война должна быть маневренной и скоротечной. Для победы в такой войне достаточно иметь в артиллерии один калибр, один тип пушки и один тип снаряда». И т. д., и т. д.

Как видите, нынешние чижы у власти России даже «откат» не сами придумали, его придумали еще те чижы – императорские.

Чиж на троне

Чижи пример брали с главного чижа России – с Николая II. Тот тоже был «интеллигентом»: не отказался от престола, охотно короновался, но вся его служба России сводилась к тому, что он всеми силами пытался переложить свои обязанности на кого-то другого.

Наследник, а затем и император Николай II не проявлял интереса ни к каким государственным делам и был твердо уверен, что трон ему дан для того, чтобы он мог развлекаться. Когда учивший его Победоносцев пытался объяснять наследнику, как функционирует государство, *«тот с великим тщанием начинал ковырять в носу»*. *«Государь, – разводил руками один из премьер-министров, Витте, – никогда не открыл ни одной страницы русских законов и их кассационных толкований»*, – при этом считается, что Николай имел высшее юридическое образование, полученное дома. Этот наглец Николай был глубоко уверен, что его дело подписывать бумаги, а обдумывать государственные вопросы и искать государственные решения обязаны его вельможи.

Жена Николая II считала его безвольным, ей было больно за него, и она постоянно напоминала: *«Как легко ты можешь поколебаться и менять решения, и чего стоит заставить тебя держаться своего мнения... Как бы я желала влить свою волю в твои жилы... Я страдаю за тебя, как*

за нежного, мягкосердечного ребенка, которому нужно руководство», – но я полагаю, что она ошибалась.

Николай страдал, возможно, и не в явной форме, главной болезнью чижа, социопатией – полным безразличием к окружающим, за исключением разве своей семьи. Он не был безвольным, просто ему, как чижу, кроме себя, любимого, все было «до лампочки».

Смотрите, вот он записывает в своем дневнике важные для себя события: 28 мая 1905 года *«ездил на велосипеде и убил 2 ворон»*; 2 февраля 1906 года *«гулял и убил ворону»*; 8 февраля 1906 года *«гулял долго и убил две вороны»*; 8 мая 1905 года он записал, что во время гуляния убил кошку. Его дневники надо читать не просто историкам, а историкам вместе с психиатрами, чтобы те ответили на вопрос, может ли психически здоровый человек на должности императора России считать для себя важным убийство кошки, когда в империи полным ходом шла революция? Только за два этих года, с 1905-го по 1907-й, в России было убито 4500 государственных чиновников – его, Николая, слуг!! Нет, то, что убивают его слуг, Николаю было, конечно, неприятно, но не более того – не повод отменять прогулки или дополнительно поскрипеть пером в дневнике, делая записи о езде на велосипеде.

Давайте сами прочтем несколько страничек его дневника. Но сначала вспомним о том, что именно люди записывают в свой дневник, поскольку сегодня дневники, по сути, никто

не ведет. Конечно, это зависит от наличия времени и желания писать, но обычно в дневник заносят только самые яркие события этих дней. Так вот, давайте возьмем дневник царя за несколько дней до того, как он отрекся от престола, но предварительно вспомнив, что в это время Николай был Верховным главнокомандующим русской армией, а на русско-германском фронте как раз в эти дни шли ожесточенные бои. Царь выехал в свою ставку в Могилев.

«23 февраля. Четверг. Проснулся в Смоленске в 9 1/2 час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время французскую книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним. Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай.

24 февраля. Пятница. В 10 1/2 пошел к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком [?] принес мне от имени бельгийского короля военный крест. Погода была неприятная – метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру.

25 февраля. Суббота. Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2 1/2 заехал в монастырь и приложился к иконе Божией матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всенощной. Весь вечер занимался.

26 февраля. Воскресенье. В 10 час. пошел к обедне. До-

клад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял ген. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино».

Напомню, что это писал император, у которого в эти дни на фронте шло сражение, а в столице с 23 февраля разгоралось восстание, и Николай, по сути, от него удрал в ставку. И он «меры принял»: преодолевая зевоту, выслушивал доклады генералов аж по целых полтора часа в день и подписывал телеграммы об усмирении восставших всеми способами. Теперь его слуги обязаны были все эти проблемы решить, а ему, как вы видите из дневников, они были неинтересны. Жена, напомню, считала его безвольным, но при чем тут безволие, когда очевидно, что прогулка по Бобруйскому шоссе была ему интереснее, чем то, что происходило на фронте?

А с другой стороны фронта в ставке командующего германским Восточным фронтом генерала Людендорфа его начальник штаба генерал-майор Гофман тоже нашел время занести в свой дневник: *«Наше маленькое предприятие у Стохода вчера прошло хорошо. 9.000 пленных, среди них четыре полковых командира, 15 орудий, 200 пулеметов и минометов. Это довольно прилично. Я рассчитывал максимум на 3.000. Русская армия становится все хуже и хуже».*

Между прочим, на фронте у немцев положение было очень сложным, поэтому Гофман только 5 марта смог его

ОСМЫСЛИТЬ:

«В общем, теперь, как и раньше, большое оживление на всем русском фронте. Русские воздвигают много новых укреплений, и до окончания этих работ они, по-видимому, наступать не станут. Наше положение, в общем, теперь лучше. Я получаю так много резервов, что могу совершенно спокойно смотреть на будущее. То, что русские оставили нас за последнюю неделю в покое, явилось для нас большим счастьем. Они не знали своих преимуществ. Если бы они три недели тому назад начали наступление в некоторых пунктах, мы бы полетели к черту. Это чувство очень мучительно и действует, конечно, на нервы; отсюда, вероятно, и мое плохое настроение за последние недели».

Как вы поняли, успех боев настолько висел на волоске, что у немцев не проходило плохое настроение. И если бы у русской армии был главнокомандующий, который бы принял решение три недели назад нанести удар в нужных местах или додавить немцев в те дни, когда Николай гулял по шоссе и целовал иконы, то немцы потерпели бы решительное поражение на своем Восточном фронте. «Три недели назад» от 5 марта – это примерно 12 февраля, в этот день Николай отметил существенные события своего дня: «Утром шел снег и мело; днем вышло солнце, и стало морознее. Были у обедни, завтракал Митя. Осмотрел дом с трапезною, который построен заботами Ломана в старом русском стиле – очень красиво. Погулял с Марией. До чая принял Сергея.

После 6 час. читал и писал Карлу (норвежскому). Вечер провели на той стороне. Опять играли румыны, и Лерский потешал нас до 12 час.».

У немцев в тылу тоже назревали неприятности, и хотя генерал Гофман по своему статусу был несоизмеримо мал по сравнению с русским императором, тем не менее в то время, когда Николай 23 февраля самым важным событием дня отметил то, с кем он обедал, Гофман записал: *«Ясно, что поляки теперь разовьют большую пропаганду за то, чтобы Литва и Курляндия были бы присоединены к польскому королевству. Я в настоящее время веду очень оживленную переписку с Варшавой, иностранным ведомством и канцлером, чтобы заткнуть полякам глотку.*

Тут в нашем районе четыре враждующих элемента: немцы, поляки, литовцы и латыши, которых ни один политик в мире не в состоянии объединить. И поляки, и литовцы, и латыши ненавидят нас, так как каждый из этих народов хочет властвовать. Это положение изменить нельзя. У меня в этом отношении совершенно чистая совесть, я поэтому пригласил сюда депутатов, чтобы они лично ознакомились с местными условиями. Все мы знаем, что Людендорф — не политик. Он слишком импульсивен для этого. У него все должно немедленно осуществиться, в то время как политик должен уметь выжидать».

И скорее всего потому, что немцы в отличие от Николая лично ломали головы над тем, что им делать с проблемами

в своем тылу, их неприятности так и остались не более, чем неприятностями. А у Николая события раскручивались:

«27 февраля. Понедельник. В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28 февраля. Вторник. Лег спать в 3 час., т. к. долго говорил с Н.И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилёва в 5 утра. Погода была морозная, солнечная. Днём проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1 марта. Среда. Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!

2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство

из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев – всем главнокомандующим. К 2¹/₂ ч пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил; и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!»

Отметьте, что если Николай жил не в вагоне едущего поезда, то ни разу не забыл погулять, но за все эти дни этот император всероссийский ни разу не вспомнил ни о России, ни о ее народе, ни об армии, ни о своем долге перед ними. Ведь бунт был только в Петрограде, вся Россия была еще твоя, не генерала Иванова надо было посылать, а самому, как Петр I, возглавить войска и идти в Петроград усмирять бунтовщиков и спасать Россию!

И мыслей таких у чижа не было!

Ну, хорошо, отрекся он от должности царя в пользу своего брата, но ведь он был полковник Преображенского полка и обязан был выехать в полк на службу, ведь война шла! В ноябре 1915 года ушел в отставку потомок герцогов Мальборо военно-морской министр Уинстон Черчилль. И хотя он

был депутатом парламента и мог остаться в Лондоне, но Черчилль тут же надел форму майора и уехал во Францию в окопы командовать батальоном шотландских стрелков. В Австро-Венгрии в мае 1917 года ушел в отставку премьер-министр Венгрии граф Тиса. И этот полковник резерва тут же выехал на фронт и принял полк.

Поразителен случай немецкой самоотверженности. В начале июня 1918 года начались поджоги американских складов горючего во Франции. В порту Ла-Рошель, где находилось 75 % горючего американской армии, в течение восьми ночей подряд от неизвестной причины вспыхивали пожары. Виновников найти не удавалось. В этом городе находился лагерь военнопленных с 3000 немцами, а при лагере военнопленных находился некто Фрейтаг, принадлежавший к составу Шведского Красного Креста, посланного по просьбе германского правительства для оказания необходимой медицинской помощи германским пленным. В конце концов американская контрразведка выяснила, что именно он и организует поджоги. Фрейтага арестовали, на допросах он держал себя гордо, не отвечая ни на какие вопросы. Лишь на замечание начальника контрразведки, что он будет повешен, Фрейтаг ответил, что имеет право быть расстрелянным. Германское правительство, узнав об аресте Фрейтага, предложило обменять его на большое количество союзных военнопленных, и по этой инициативе немцев удалось установить, что Фрейтаг не кто иной, как младший сын императора Виль-

гельма – Иоахим. Как видите, немецкие великие князья не гнушались и не боялись никакой службы во имя победы Германии.

И только полковник Николай Романов и не думал о фронте, а сразу же начал выговаривать себе и семье отъезд через Мурманск за границу с возвращением после войны в Россию для постоянного проживания в Крыму в Ливадии. Наглость изумительная! Россия остается истекать кровью в развязанной Николаем войне, а он поехал отдыхать за границу! Даже временное правительство не стало реагировать на эту низость Николая и просто арестовало его.

Но это случилось позже, а сейчас после отречения, что должен был делать и думать царь, если он русский царь? Наверное, должен был всю ночь метаться от мыслей о самоубийстве? А как же! Вот он продолжает вести записи в дневнике.

«3 марта. Пятница. Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексева в вагоне. В 9¹/₂ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы

так продолжалось дальше.

4 марта. Суббота. Спал хорошо. В 10 час. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую маму, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная – холод и метель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 ч. поехал к обеду к маме и просидел с нею до 11 час.».

И т. д. и т. п.

Калашников пишет: «Знаете, почему официоз и поповщина стенают по поводу «святого» Николаики и всей проклятой династии? Потому, что они – родственные души». Под этими словами остается подписаться – действительно, Николай был наглой и бессовестной скотиной! Безусловно идеал для деятелей сегодняшнего режима!

Да вот только не то что народу нынешней России, а и своим дворянам он и даром не был нужен.

В 1919 году в Сибири против большевиков воевали силы адмирала Колчака, имевшего на довольствии армию, состоявшую из 800 тыс. офицеров, дворян, помещиков, бывших царских чиновников и прочих. Летом и осенью военным министром в правительстве Колчака был барон Будберг, истинный монархист. 17 июля 1919 года, в первую годовщину смерти Николая II, Будберг делает в своем дневнике запись:

«В соборе состоялась панихида по царской семье; демо-

кратический хор отказался петь, и пригласили монахинь соседнего монастыря, что только способствовало благолепию служения. Из старших чинов на панихиде был я, Розанов, Хрецицкий и уралец – генерал Хорошкин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности.

После панихиды какой-то пожилой человек, оглядев собравшихся в соборе (несколько десятков, преимущественно старых офицеров), громко произнес: «Ну и немного же порядочных людей в Омске».

Барон Будберг даже в дневнике не хочет признаться в очевидном – дело не в непорядочности служившего у Колчака русского дворянства и не в его «демократичности». В той же демократической Европе и монархи, и даже отпрыски уже лишившихся власти династий пользуются безусловным уважением. Да и в чем в чем, но в демократичности адмирала Колчака обвинять нельзя – чего стоит, к примеру, расстрел по его приказу членов Учредительного собрания России, демократично избранных в 1917 году. Дело в другом: белые, то есть дворянство и зажиточные классы России, используя смерть царя в антикоммунистической пропаганде, в то же время ненавидели последнего российского императора неизмеримо более люто, нежели большевики. Для большевиков Николай II был всего лишь символом, который, попав к белым, мог вызвать дополнительные смерти десятков тысяч русских людей на полях Гражданской войны. И большевики

уничтожили всю царскую семью, как уничтожают тифозную вошь, чтобы не дать распространиться в России смертельной болезни. А вот для белых Николай II был предателем и человеком, виновным в том, что они потеряли ту Россию, в которой им было так удобно жить! И дворяне, и тогдашние попы ненавидели Николая гораздо больше, чем большевики.

Ну и как, глядя на этих чижей у власти, должна была себя вести Россия? В Первую мировую войну наибольшее военное напряжение испытали Франция и Германия – у них в армию было мобилизовано 20 % населения, в Англии – 13 %, а в России – 9 %. Тем не менее к 1916 году из французской армии дезертировало 50 тыс. человек, а из русской – 1,2 млн. Глядя на чижей дворянства, в чижей превращался и народ, а те, кто и не стал чижом, кровь проливать за чижей все же не спешили.

Октябрьская революция 1917 года была справедливой – это была удачная попытка стряхнуть с шеи народа России чижей, на тот момент – дворянских и капиталистических.

А Николай II, зашив в подкладки платьев дочерей бриллианты, размечтался где-либо скоротать деньки в приятном ничегонеделании и в занятиях любимой фотографией. Не получилось.

Сейчас общепринято, что в Екатеринбурге большевики убили мученика царя Николая II. Да нет – в Екатеринбурге большевики по военной надобности расстреляли главного чижа России. И теперь чижи всех национальностей (от рус-

ского «дворянина» Михалкова до еврея Немцова) об убиенном сородиче горько сетуют. Есть отчего: этот чиж в свое время недурно устроился на шее России – царем. Это тогда все понимали, и в то время никто в России – от крестьянина до служивого дворянина – об этом «великомученике» не сожалел.

Чижи в рясах

Нынешние попы возвели Николая II в ранг великомученика не случайно – он действительно их, чижей в рясах, великомученик.

В среду 09.07.2008 слушатели радиостанции «Эхо Москвы» слышали голос русского православия: *«Российские власти должны осудить коммунистический режим не только на словах, но и на деле!»* – восклицал от имени Московского патриархата исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям Церкви и общества отдела внешнецерковных связей священник Георгий Рябых, добавив: *«Осуждение коммунизма было начато в 90-е годы, но так и не доведено до конца. Это нужно продолжить. Русская православная церковь предлагает осудить коммунистическую идеологию. Хотелось бы, чтобы в нашей жизни были отмечены плачевные, трагические события советского времени, чтобы мы помнили о жертвах сталинских репрессий, трагедии русской эмиграции».* В «необходимый минимум» мер должны также войти возвращение улицам и городам их исконных исторических названий, *«отобранных советской властью»*, перемещение памятников советским вождям в *«менее людные места»*. *«Я не призываю эти памятники разрушать, – это было бы варварством и вандализмом, – но они не должны занимать центральные места в наших городах, – сказал*

Г.Рябых. – *Необходимо убрать и кладбище у Кремлевской стены».*

М-да!

Здесь сразу же возникает вопрос: РПЦ – это религиозная организация или политическая партия? В связи с чем она делает заявления «мирского» политического характера?

Если РПЦ – это политическая, причем явно антикоммунистическая организация, то тогда ей нужно официально оформить свой статус в Минюсте. Заодно и разобраться, имеет ли РПЦ отношение к христианству, поскольку при выяснении партийной принадлежности изгнавшего менял из храма Иисуса Христа, с его «легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие небесное», отнести его к сторонникам капиталистической идеологии будет очень непросто.

А если РПЦ требует убрать с людных мест памятники большевикам за то, что те репрессиями боролись с православием как с религией, то тогда почему не осудить заодно и само православие за то, что оно репрессиями боролось с другими религиями, и потребовать перемещения всех ее культовых сооружений в «менее людные места». Раз уж смотреть историю, то почему только с 1917 года, почему не заглянуть в «Историю России с древнейших времен» Соловьева С.М. и не прочесть: *«Флота капитан-лейтенант Возницын был превращен в жидовство и обрезан жидом Борохом Лейбовым; обрезание было совершено в Польше, в Дубровне.*

И обольститель и обольщенный были сожжены в 1738 году». Разве Московская патриархия уже потребовала у российских властей осудить православный режим и добиться, чтобы все помнили о многочисленных жертвах православия, скажем, о трагедии русских раскольников и старообрядцев?

Вот эта постная рожа святых праведников у лиц, всего лишь зарабатывающих себе на жизнь православием, и называется ханжеством. И это ханжество – трагедия любой идеологии, хоть религиозной, хоть светской, это ханжество всегда было трагедией православия, остается оно его трагедией и сегодня, но одновременно ханжество – это идеология чижа.

Вот о ханжестве чижей в рясах я и хочу поговорить.

Зададим себе вопрос, зачем православное духовенство требовалось Российской империи и ее императорам? Вряд ли кто-то будет оспаривать такой ответ: чтобы народ верил в Бога и, соответственно, верно служил помазаннику божьему – русскому императору.

Может, императоры России как-то обижали духовенство, чего-то ему недодавали? Мало того, что по тем временам материально духовенство было прекрасно обеспечено, но оно еще и награждалось царем, пожалуй, больше, чем кто-либо в России. Посмотрите на фото архиепископов и епископов тех времен – у них грудь увешана орденами Российской империи, как у Жукова – советскими. То есть и деньги, и слава у духовенства были.

Тогда почему буквально в считанные годы после револю-

ции народ перестал верить в Бога?

Может, православное духовенство было малочисленным, и его не хватало для стоящего перед ним объема дел по утверждению в гражданах России веры в Бога?

Только приходского духовенства к 1910 году было более 110 тыс., или один поп на примерно 900 православных граждан всех возрастов. А ведь над этим духовенством было еще и вышестоящее духовенство, были еще и монахи. А численность большевиков даже к концу 1918 года едва достигала 200 тыс., то есть с учетом духовенства других конфессий количество российского духовенства превосходило количество всех большевиков.

Тогда, может быть, большевики были более грамотны в атеизме, чем попы в православии?

К тому моменту все священники оканчивали как минимум семинарию, то есть то учебное заведение, которое не удалось окончить большевику Сталину, а среди массы большевиков образованных людей была горстка. Ну, куда большевикам было тягаться в религиозных спорах с таким полчищем образованных попов? Да в идеологической борьбе попы большевиков бы просто затоптали. Более того, у большевиков забот было выше крыши – и война, и разруха, и голод. Им вообще было не до Бога. А у православного духовенства иных забот, кроме поддержания в пастве веры в Бога, не было.

А ведь вера в Бога была главным. Большевики ни одного

попа не убили, ни одну церковь не разрушили и не отняли у народа – все это сделали переставшие верить в Бога православные.

Так кто убедил православных, что Бога нет, если большевикам этим просто недосуг было заниматься? Сами разуверились?

Нет, это не ответ. Старообрядцев веками пытались уверить даже не в том, что Бога нет, а просто в том, что они молятся ему неправильно, да не получалось. Тогда кто?

Иного ответа нет: что Бога нет, православных уверило само православное духовенство. Не верится? Тогда попытайтесь вспомнить, кто разуверил в коммунизме 19 млн членов КПСС?

Их убедило в этом «духовенство» КПСС – все эти освобожденные секретари парткомов, райкомов и т. д., усиленные инструкторами по пропаганде и профессиональными работниками различных идеологических ведомств. И разуверили они коммунистов своим ханжеством – они учили всех жить по-коммунистически, а сами так жить не хотели! Были и настоящие коммунисты, но из-за своей малочисленности они погоды не делали. А каков поп, таков и приход, и к попам это, само собой, относится в первую очередь. Верит поп в Бога, значит, и приход верит, не верит – и приход не верит.

И то, что православное духовенство уже перед революцией превратилось в чисто ханжескую организацию – органи-

зацию чижей, не замечало только оно, а народ это видел и, естественно, размышлял: «Раз вы, стоящие к Богу ближе, в него не верите, то, значит, его и нет!»

Такой тезис нужно подтвердить, и я сделаю это, опираясь на интереснейшую (для меня) книгу, где опубликованы воспоминания четырех поколений священников, служивших с 1814 по 1937 год. Книга называется «Страницы истории России в летописи одного рода», в ней четыре священника описывают свою жизнь. Книга большого формата и толстая (почти 800 страниц), по ней вполне можно снять сериал, которые так любит телевидение, поскольку вся она посвящена быту и частной жизни своих героев. Причем писалась она для своих детей, а не для публики, поэтому откровенна. Для меня это документ исключительно интересный с исторической точки зрения, но когда я уже прочел ее, то вдруг понял, что в этой книге есть буквально обо всем, что бывает в жизни, и в ней практически нет только одного – в ней ничего нет о Боге. Четырем поколениям попов Бог был не интересен!

Описать эту книгу из-за ее объема невозможно, и я просто дам отрывки, чтобы вы поняли, что на самом деле было интересно православному духовенству и из кого оно состояло.

Прежде всего, что меня страшно удивило, все эти попы были деловиты и деньги считали, как колхозные бухгалтера. Вот один из них описывает, казалось бы, самый торжественный момент в жизни священников, – момент, когда на них как бы сходила Божья благодать, – посвящение в сан священ-

ника (другим авторам книги даже это было неинтересно):

«Итак, я уже диакон. Следующий день при том же монастыре, но в домово́й архиерейской церкви служил уже и раннюю литургию в сане диакона. Алтарные и клиросные послушники меня уже называли отцом диаконом, но я же при этом обращении их ко мне чаще всего не вдруг находился им отвечать, к этому названию своему не привык.

В том же духе прошло посвящение мое во священники и в Боголюбовом монастыре, где меня рукополагал викарный епископ Тихон, а во Владимире – сам Сергей. Такое разноместное посвящение для меня оказалось лучше: оно спасло меня от лишних затрат на чаи поздравлявших меня диаконов, певчих, послушников и т. п. Поздравлявшие меня во Владимире слышали от меня ответ, что я поблагодарю их за один раз после получения священства, а поздравлявшие в Боголюбове – что я уже во Владимире поистратился на поздравлявших, не предполагая, что меня будут здесь посвящать. Вот так безболезненно и прошло у меня это посвящение для кармана, а то бы и тут обчистили, как сидорову козу! Не увернулся только от Талепоровского, который уже давно на меня из-под своих темных очков бросал лукавые взоры. Этому дал десятку: боялся его обойти – тем более что тогда говорили, что у него с Сергием одна лавочка! Дал еще отцу протодиакону два рубля, который вел запись по делу посвящения. И только!»

Вот и вся радость от таинства посвящения в сан – сумел

облапошить дьяконов с послушниками, которые своей службой придавали торжественный вид его посвящению!

Хотя для православного духовенства в этом нет ничего необычного, поскольку хапали все:

«Правда требует указать на одну темную сторону получения священнослужительских мест при этом владыке в то время. Часто тогда места чуть ли не покупались за деньги: кто больше даст, тот и получает просимое место. И сам владыка Сергей тут был не без греха. А особенно высоко поставил себя по части взяточничества секретарь архиерейский Петр Иванович Талепоровский, а после него, еще удалей, Александр Иосифович Переборов. Сдавши экзамен, чтобы получить поскорее место, и мне пришлось тогда познакомиться с первым секретарем и сунуть ему двадцать рублей из своего двадцатипятирублевого месячного жалованья. Со стороны же других священников, искавших перевода на лучшие богатые места, давались тогда и сотни рублей».

Но деньги на взятки не пропадали.

«Стол тогда у меня состоял больше из рыбного; тут была она у меня во всяком виде: вареном и жареном, заливном и копченом. И все это было добровольным приношением перед праздником рыбаков. Добры они были ко мне. Первое время, бывало, из простого любопытства подойдешь к рыбакам поглядеть, как они вынимают к берегу запущенный невод, и никогда не уйдешь от них с пустыми руками, чтобы не наградили пойманной рыбой. В первый год жизни в Рыбаках,

интересуясь, я даже в одно время завел запись приносимой мне рыбы. И вот в один зимний сезон тогда у меня было записано, помню, одних сельдей до 450 штук. Низший же сорт рыбы, вроде плотвы, они даже стеснялись давать. Нередко тогда я излишком своим делился с родными, посылая копченой по почте. Правда, год на год не приходилось это приношение: когда у них в сети плохо, то и у меня на столе недочет, а у них хорошо, и у меня тогда ловко! Никакой бедности я, здесь живши, не испытал: отказывать себе ни в чем не приходилось, на все хватало получаемой доходности. Во все годы жили в Рыбаках с прислугой...

А на другой год, когда рыбаки устроили погреб и хлев, тогда завел и корову. Между прочим, корову я держал с тех пор бессменно до октября прошлого 1926 года. В Рыбаках по летам я сам и сенокосил (чаще косить нанимал), скупая у соседей, поблизости к дому, небольшими лужками, и этим сеном пробивался почти весь год. Также хозяйственным способом добывал и дрова. Во все годы я покупал не сухими, а с базара или тут же при доме у везущих озером мужичков сырыми бахами в три аришина. Пилить и колоть их нанимал. Такие дрова всегда давали мне рубль или больше с сажени барыша, чем покупать готовыми с базара. В год протопить дом вставало мне всего рублей двадцать, а прокормить корову тем сеном — до двадцати пяти.

Я всегда, бывало, заготавливал с осени ржаного хлеба до нового сбора, покупал и крупчатку мешками, сахар брал го-

ловой, также и чай никогда в запасе не переводился, масло коровье держалось пудами, привозили его из Шекиова по 20–22 копейки за фунт, варенья варилось также пуда по три-четыре за лето; и всего у меня было обильно в запасе, не исключая винных настоек и разных наливок». (Пуд, напомним, равен 40 фунтам или примерно 16 килограммам.)

Со второй половины XIX в. царское правительство доплачивало попам за организацию церковно-приходского обучения детей грамоте, в семинариях начали учить будущих попов и профессии учителя начального образования. Казалось бы, что у мемуаристов появился личный повод для гордости своей службой – они теперь могли бы вспоминать, как далеко пошли по жизни их ученики, гордиться ими. Но в книге про учеников – ни слова, не интересно это было попам, а вот про свою педагогическую деятельность они, конечно, вспоминают.

«Благодушное было тут время! Особенно охочи были все мы до экзаменов в монастырских нашей и Феодоровской школах у игумений. В этих двух школах являлись чуть ли не все члены отделения, так что число учащихся было иной раз меньше, чем число экзаменовавших лиц. Тут надо без утайки правду сказать, что сюда многих из нас, пожалуй, не экзамен большие тянул, а чай и обед с хорошей закуской и выпивкой. В эти экзаменационные дни был тут у нас как будто праздник какой, особенно в Феодоровском, где всего предлагалось обильней и качеством лучше. Недаром и школ

соседних сюда, по расписанию, на экзамен не назначалось. Ведь и нам, отцам святым, как и всем, с той же плотью и кровью, эта выпивка и хорошая закуска была по нутру! Нельзя отказать нам в этом требовании плоти!»

И уже как-то не удивляет, почему народ сложил поговорку: «Ряса просит мяса».

«А вот был во Владимире архиепископ Алексей! Был он роста высокого, выше меня, стана полного, с большим животом; пухлый лицом, словно надутый; такие же пухлые руки, пальцы которых из-за этой пухлоты как будто между собой не сходились. Получалось впечатление, когда подходишь к нему под благословение и целуешь его руку, то словно как целуешь толстую надутую лягушку. Иные брезговали такой рукой и под благословение его не подходили. Ел он – говорили – очень много и жирно; мог съесть будто бы по тридцати мясных котлет. Чтобы после такого сытного обеда не хватил его апоплексический удар, отдыхать на постели после обеда ему врачами было воспрещено, а были предписаны какие-либо телесные движения и упражнения на свежем воздухе».

Ну а когда набил живот мясом, то и мысли возникают, если не о Боге, то о божественном.

«Страшно любил он женский пол. Он был женат на актрисе, и когда с ней развелся, то принял монашество и дошел до архиепископства. Все же она, говорили, во Владимире его навещала и жила по нескольку дней у него. В самом Вла-

димире были у него две любимицы-попадья, жены тамошних священников (Уварова и Благовещенская). За то и пользовались эти священники особым вниманием и расположением Алексия: он устроил их там же в лучшие приходы и награждал почетными должностями. Близость этих двух матушек была известна всему городу, и вот в одно время по городу, при бульварах и на стенах была развешана карикатура, изображающая Алексия, держащего попадью на коленях.

Большую близость Алексей имел и с городским женским монастырем, куда он часто ездил служить и просто пить чай.

О свободном обращении к монастырю Алексия был такой рассказ. К нему пришла раз монахиня, по делу ль какому иль с праздником поздравить, не знаю! Но только не утерпел отец... обнял... А она ему и говорит: «Владыко! Ведь вы должны быть святым: вы ангел – что вы делаете?» А он в ответ ей: «Да, я – ангел, но падший!»

Как видите, этот монах Алексей, мужик был не без юмора, но ведь в те годы телевизора не было, и главным развлечением были сплетни. И все вокруг обо всем этом знали. Тем более что свидетелей было много, поскольку «очень святой отец» архиепископ Алексей ни в каких делах охулки на руку принципиально не клал.

«После храма был он в игуменской со всем служившим молебен духовенством; пил чай и обедал. Поили и кормили, как не случалось доселе ни разу. Фрукты, консервы и многое дру-

гое нарочно привезено было для него из Москвы. Но ему было мало того, что угощали на славу: часто от него слышалось тогда во время обеда и чая: «Вы, матушка игуменья, дайте мне на дорогу вот этого... и этого!» И поехал он от нас тогда с багажом разных закусок и фруктов. С уверенностью можно сказать, ему попало немало (как будто бы плата за молебен) здесь и в карман! А если взять во внимание все четыре монастыря Переславских, то и вовсе получится туго в кармане. Уж таков был не в пример другим этот Владимирский царь! А что всего позорней и гаже, это вот то, что в игуменской с отъездом его не нашлись два чудной работы полотенца, которыми он вытирал свои руки, и еще что-то вроде ковра».

Знаете, у меня сложилось впечатление, что если вера в Бога держалась в народе, то только силою семейных и общественных традиций, а духовенство РПЦ видело свою задачу в том, как использовать эту веру в своих корыстных целях. Вот мемуарист описывает революционные и послереволюционные годы, фактически начало поголовного безбожия.

«Жилось мне вообще в это время тревожно. Бывало, одна встреча где-либо красноармейцев с винтовками всегда в душе у меня производила тревогу. Теперь я забросил и всякую проповедь с церковной кафедры, боясь, как бы к чему не придрались.

Правда, и мы, причт, в эти годы немного поуменьли, заменивши плату за сорокоусты и годовое поминовение вме-

сто денег мукой. Но эта замена касалась только деревенских заказчиков, как не нуждающихся в хлебе. Начали брать с пятнадцати фунтов в год, а потом перешли на полпуда мукой же, или же вдвое – овсом за каждое поминовенное лицо. Квартирантов держали, эти платили с десяти фунтов в месяц и до полпуда; платили и картошкой, дровами».

Прочитав эти воспоминания, приходишь к выводу, что быть на Руси священником – это уже давно не служение Богу, а доходный бизнес.

Понимаете, народ, конечно, глуп, но не до такой степени, чтобы не понять, что то, что говорится в церкви или на партсобрании, – это обязаловка, это показуха. А кто ты на самом деле и во что веришь, видно по тому, что и как ты говоришь и делаешь в обычной жизни.

И вот, исходя из того, что я прочел, а теперь и услышал от представителя Московской патриархии попа Г. Рябых и от остальных попов России по другим поводам, у меня сложилась убежденность, что Московский патриархат в Бога не верит. Если бы верил, то мы бы от него слышали совершенно другие слова и видели бы совершенно другие поступки.

Поясню свою мысль вот таким примером. Недавно я подготовил рецензию на книгу «Куда подевались все лидеры?» одного из бывших крупнейших руководителей американской промышленности миллионера Ли Якокки. В момент написания этой книги ему было 82 года, он уже ушел из промышленности, руководил школой бизнеса и все свое состо-

ание тратил на исследования сахарного диабета и способов его лечения.

Книга Якокки посвящена очень далекой от религии проблеме – как воспитать или найти лидера промышленности или государства. Деятельность Якокки лежала и лежит очень далеко от религии, сам он убежденный сторонник капитализма и частной собственности, и не то, что не говорит о том, верит ли он в Бога, но даже и слова «бог» у него в тексте нет. И тем не менее я осмелюсь заявить, что он-то верит в Бога!

Вот задумайтесь над тем, что означают такие его мысли и сообщения.

В свое время Якокка пришел руководить автомобильной корпорацией «Крайслер» в момент, когда она была на грани банкротства. В таких случаях американское правительство помогает своей промышленности беспроцентными кредитами из денег налогоплательщиков. С большим трудом и Якокка выбил у правительства такой кредит в 1,2 миллиарда долларов для «Крайслера», но этого было мало.

«Поэтому я урезал свою зарплату до одного доллара в год. Это пример лидерства, порожденного кризисом. Потом я пошел к другим руководителям и попросил их тоже сократить свою зарплату. Лишь после этого я отправился к председателю Объединенного профсоюза работников автомобильной промышленности Дагу Фрейзеру и спросил, чем ответит мне профсоюз. И рабочие действительно откликнулись. На протяжении девятнадцати месяцев они шли на

уступки, которые вылились в общей сложности в 2,5 миллиарда долларов. Так что компанию спас не столько правительственный кредит, сколько сами рабочие».

Якокка разгневан на правительство США за безответственность, в том числе за безответственную трату денег.

«Я пришел в Белый дом, чтобы вручить президенту Рейгану чек на 1,2 миллиарда долларов, и объяснил ему, что этот чек чисто символический.

– Видимо, никто никогда не возвращал правительству долги, так как мне сказали, что потребуется тридцать дней, чтобы выяснить порядок получения и зачисления этих денег.

Рейган хохотал до слез, хлопая себя по коленям, и все никак не мог поверить. Другими словами, в правительстве, похоже, нет приходных статей, а есть только расходные».

Якокка с с гневом говорит о безответственности законодателей.

«Языком молоть – не воду носить!...Однако в 2006 году, несмотря на обилие болтовни по поводу войны и экономики, каждый раз, когда дело доходило до законодательных приоритетов (то есть до конкретных дел), все дебаты сводились ко всевозможным второстепенным проблемам. Вот какие приоритеты поставил себе Сенат в ходе трехмесячной сессии: запрещение однополых браков, ответственность за сожжение государственного флага и сокращение налога с капитала. Наши сенаторы нашли целых три

дня, чтобы подискутировать по поводу сожжения флагов, но ни одной минуты – на обсуждение проблем здравоохранения, энергетики, создания рабочих мест и других насущных задач, которые волнуют американцев.

С 1777 года было зарегистрировано всего сорок пять документально подтвержденных случаев сожжения флага. В то же время начиная с 2000 года у нас испарилось почти три миллиона рабочих мест в промышленности. И причина вовсе не в том, что люди жгут флаги».

Якокка возмущен бизнесменами США.

«Когда я еще был маленьким, священники заставляли нас наизусть учить семь смертных грехов. Это такие грехи, которые губят бессмертную душу. Вещь серьезная. В числе первых в этом списке была алчность. Я тогда не понимал толком, почему этот грех называется «смертным», но до меня это быстро дошло, когда я занялся бизнесом.

Жадность постоянно присуща деловым людям, особенно если они связаны с финансами. Но всегда ли она была так ярко выражена, как в наши дни? Не думаю. Сегодня она стала главным лозунгом корпоративной Америки. Если вы попросите кого-нибудь вспомнить одного из выдающихся лидеров бизнеса, то он в первую очередь назовет какого-нибудь проходимца, которого только что увели в наручники».

Жадность человеческая сильна, но не будем забывать и о зависти. Это, кстати, тоже смертный грех. Порой я думаю, что первопричина жадности – все-таки зависть. Один

руководитель компании смотрит на другого и думает: «Он получает 50 миллионов, а я только 30. Но мы же работаем в одной отрасли, а я к тому же и лучше его. Надо, чтобы у меня было 60 миллионов». Вот так и раскручивается спираль зарплат крупных руководителей. И никому из них в голову не придет, что 30 миллионов – это тоже неплохо. Зависть порождает жадность.

Еще одним поводом для изумления стало поистине золотое пенсионное пособие, выплаченное бывшему генеральному директору и председателю правления «Exxon Mobil» Ли Реймонду. В общей сложности он получил более 400 млн долларов. Но попробуйте что-то возразить этим ребятам, которые качают газ по три-четыре доллара за галлон, и это вызовет у них бурю возмущения. Ведь «Exxon Mobil» демонстрирует рекордную доходность.

Рядовые служащие «Exxon Mobil» тоже имеют законное право на часть этой прибыли, но компания, несмотря на свои сверхдоходы, недоплатила в программу пенсионного обеспечения 11,2 миллиарда долларов. Это тоже рекордный показатель. Как это объяснить? Возможно, они испугались, что если полностью профинансируют пенсионную программу, то им придется урезать часть пенсии Реймонда? Больше всего возмущает то, что за дефицит финансирования пенсионных фондов должны расплачиваться американские налогоплательщики.

Где же ответственность руководства компаний перед

рабочими, которые своим трудом создают все материальные блага и которым было обещано, что о них позаботятся на пенсии? Как можно заявлять им: «Извините, наш договор с вами больше недействителен»? Скандальное ограбление пенсионеров среднего класса нуждается в тщательном расследовании. Стало уже распространенным явлением, что руководители компаний получают «золотые парашюты» (компенсация, выплачиваемая высшему руководству акционерного общества в случае слияния или враждебного поглощения), а простые рабочие – пинок в зад».

Вдумайтесь, ведь то, что говорит Якокка, это и есть проповедь христианского священника, поскольку этот бизнесмен несет заповеди Христа в мирскую суету.

А заявление Московской патриархии, с которого я начал, что это? Это чистейшей воды политиканство, направленное на то, чтобы угодить правящему режиму и получить за это подачку. Так кто из них кто?!

Кто из них верит в Бога, а кто нет?

Картель – это объединение фирм с целью разделить рынок для установления высоких цен на продукцию низкого качества. Это для справки.

Я начал эту главку со случая сожжения человека за измену православию. Разумеется, это перегибы Средневековья, но надо понять, почему это делалось. В любой Церкви главная цель – спасти бессмертную душу верующего этой Церкви. Причем спасти душу можно только в этой Церкви, а не

в другой, иначе смысл существования Церквей пропадает – зачем мне быть православным, если я точно так же спасу душу и в мусульманах? Именно поэтому столь жестокое наказание упало и на голову раввина: лучше бы он зарезал *«флота капитан-лейтенанта Возницына»*, в этом случае он убил бы всего лишь тело капитана, а бессмертная душа Возницына попала бы в рай. В случае убийства, думаю, раввина всего лишь отправили бы на Нерчинские рудники, но раввин не зарезал капитана, он его обрезал, обратив в свою веру, и этим отправил душу капитана в ад! Вот именно за это страшное преступление и последовала раввину страшная смерть.

А вот если бы раввин не занялся этим миссионерством – не обращал православных в иудейство, то его жизнь была бы защищена государством даже во время войны, поскольку уже Петр I в «Артикуле воинском» начинает главу XIV «О взятии городов, крепостей, добычей и пленных» словами: *«Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указа грабить или разбивать. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота»*.

Конечно, государство не вправе допускать насилия верующих друг против друга, тем более такого, как описано выше, но по смыслу существования различных религий и их вариантов для данной Церкви верующие всех остальных Церквей

– это в лучшем случае жертвы дьявола, а духовенство иных Церквей – слуги дьявола! Даже атеисты выглядят приличнее, поскольку они люди заблудшие, дьявол ими полностью еще не овладел, а путь в Церковь им не заказан на любой стадии жизни. Но верующие другой Церкви – это, повторю, жертвы дьявола. Посему вырвать их из рук дьявола и привести в лоно своей Церкви, в которой только и можно спастись, – это задача и подвиг духовенства данной Церкви. И казненный раввин, кстати, с позиции своей религии совершил подвиг, обрезав капитана. А как иначе? Если верующий в Бога может спастись и без вас, духовенства данной Церкви, то на кой вы нужны верующим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.